

Киевская Русь в XI—XII вв. пережила чрезвычайно быстрое и мощное развитие своей письменности и литературы, особенно при Ярославе Мудром (1019—1054), который, по словам Нестора, «книгам прилежя, и почитая е часто в нощи и в дне; и собра писце многы, и прекладаше от грек на словенское писмо, и списаша книги многы».¹¹⁷ Весьма вероятно, что в литературной деятельности при Ярославе значительную роль сыграли многочисленные болгарские и македонские эмигранты, которые могли искать убежище на Руси после катастроф 972, 1001 и 1014—1018 гг. В этот период переведена Псевдокаллистенова Александрия, Девгениево деяние, повести о Варлааме и Иоасафе, об Акире Премудром, о царе Адариане, История Иосифа Флавия о Иудейской войне, Хроника Георгия Амартола, Никифоров «Летописец вскоре», Христианская топография Козмы Индикоплова, Физиолог, Пчела и др.¹¹⁸ В это же время возникает и оригинальная русская литература, в частности историческая: по Шахматову, Первый Киевский летописный свод возник в 1039 г. В период с конца XI по XIII в. Русь создала оригинальную, богатую, разнообразную по содержанию и высокому по идейности и художественным качествам литературу, которая лишь в наше время получила свою справедливую научную и эстетическую оценку.¹¹⁹

Как уже упоминалось, в составе русской письменности XI и XII вв. видное место занимают списки с южнославянских литературных произведений. Но наряду с этим необходимо подчеркнуть, что все южнославянские оригиналы, которые могут быть определены хронологически, относятся к старославянской письменности IX и X вв.: произведения Иоанна Экзарха, Григория Пресвитера, Климента, Наума, Черноризца Храбра, Козмы Пресвитера, царя Петра. Вместе с тем мы не встречаем ни одного имени болгарских или македонских писателей XI или XII вв., ни одного названия литературных произведений, возникновение которых на Балканах можно было бы приурочить к XI или XII вв. Несмотря на эллинизацию и борьбу со славянским просвещением в XI—XII вв., литературная деятельность на Балканах не прекратилась совсем, хотя бы в упомянутых монастырях св. Иоанна Рыльского, св. Наума и в Кратовско-Струмичких обителях. Здесь в XI—XII вв. возникли, например, жития и службы основателей этих монастырей, которые дошли в позднейших южнославянских списках,¹²⁰ но ни одно из этих произведений не перешло в древнюю русскую письменность, и мы встречаем их на Руси только в эпоху второго южнославянского влияния — начиная с XV в. В полном согласии с отсутствием в русских списках южнославянских произведений XI и XII вв. стоит и хорошо известный факт, из которого почему-то не выводятся естественные историко-литературные заключения: югославянизмы в языке, правописании и графике русских текстов исчезают в начале XII в., что неоспоримо свидетельствует о прекращении в XI в. притока болгарских рукописей в Восточную Европу.

Остановившись на указанном факте неожиданного и быстрого ослабления, а затем и разрыва в русско-южнославянских литературных связях в XI и XII вв. — факте, не согласующемся с обычным воззрением в данном вопросе, я не закрываю глаза на трудности, которые вследствие этого появляются в толковании значения и силы болгарского влияния в русской письменности и древнерусском литературном языке. В этой области напра-

¹¹⁷ Повесть временных лет, т. I, стр. 102.

¹¹⁸ См.: Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 38—41.

¹¹⁹ Там же, стр. 43—65.

¹²⁰ См. тексты: И. Иванов. Български старини из Македония, стр. 345—417.